

На правах рукописи

Епатко Татьяна Александровна

**РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ПОНЯТИЯ «КОНЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА**

10.02.01 – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Краснодар – 2021

Работа выполнена на кафедре современного русского языка ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» **Исаева Лидия Алексеевна.**

Официальные оппоненты:

– доктор филологических наук, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт славяноведения РАН» **Мызников Сергей Алексеевич;**

– доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» **Аглеева Зухра Равильевна.**

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет».

Защита диссертации состоится «   » февраля 2022 года в 9.30 на заседании диссертационного совета Д 212.101.19 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 231.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и на официальном сайте: <http://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1518>

Автореферат разослан «   » января 2022 года.

И. о. Ученого секретаря

Немыка А.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современной лингвистике большое внимание уделяется реконструкции языковой картины мира (ЯКМ), которая представляет собой совокупность знаний, отображенных в языке. Единицей описания языковой картины мира является концепт. Национально-культурный концепт может обладать региональной спецификой, то есть объединять элементы не только универсального, но и этноспецифического знания, обусловленного региональными особенностями. Региональные девиации можно выявить, исследуя лексико-фразеологическую систему диалекта, а также региональные фольклорные и авторские тексты [Атаян, 2007; Баскакова, 2012; Брысина, Супрун, 2021; Григорьева, 2010; Грязнова, 2014; Климкова, 2008; Лиханова, 2009].

Особенности языкового сознания кубанского казачества рассмотрены в работах таких лингвистов, как Л. А. Исаева и Е. В. Сафонова [2008], О. В. Кондрашова и И. В. Шельдешова [2008, 2020], И. В. Шельдешова [2004], О. Г. Борисова и Л. Ю. Костина [2008, 2020], С. В. Бурдун [2020], Е. В. Литус [2014, 2019], В. В. Калинин [2004], О. С. Финько [2008], Е. Н. Трегубова [2004, 2008], М. Ю. Беяева, Л. И. Сартаева и Е. Н. Трегубова [2021] и др. Однако до настоящего времени региональное своеобразие отдельных важных фрагментов кубанской ЯКМ изучено не в полной мере.

Данное исследование посвящено специфике концептуализации понятия «конь» в региональной ЯКМ кубанского казачества.

Изучение лингвокультурного концепта ЛОШАДЬ (КОНЬ) как фрагмента ЯКМ разных народов отражено в ряде работ современных ученых [Бекмурзаева, 2021; Божедонова, 2019; Булатникова, 2006; Ганиева, 2018; Довлеткиреева, 2019; Иванова, 2010; Илюхина, 2010; Пименова, Жилкубаева и Бекмурзаева, 2021; Чибиров, 2018 и др.].

Актуальность данного исследования обусловлена обращением к проблемам реконструкции фрагмента ЯКМ кубанского казачества, что позволяет раскрыть региональные особенности языкового сознания этого субэтнуса русского народа и способствует расширению наших представлений о нем.

Объект исследования – структурно-семантические характеристики концепта КОНЬ как результата концептуализации понятия «конь» в ЯКМ кубанских казаков.

Предмет исследования – специфика понятийного, образного и ценностного компонентов концепта КОНЬ и способы репрезентации

концептуальной информации о коне на регионально-культурном уровне (лексико-фразеологическая система и фольклорные песенные тексты).

Целью диссертационной работы является реконструкция структурных компонентов концепта **КОНЬ** и выявление их семантических особенностей в региональной ЯКМ кубанского казачества на фоне общерусских представлений о коне / лошади.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) описать и уточнить следующие понятия: «языковая картина мира», «региональная языковая картина мира» и «фольклорно-языковая картина мира»; «общекультурный концепт», «регионально-специфичный концепт» и «фольклорный концепт»;

2) на основе методик исследования лингвокультурных концептов разработать методику анализа регионально-специфичного концепта;

3) исследовать лексико-семантическую составляющую общерусского концепта **ЛОШАДЬ** на материале наиболее авторитетных словарей русского языка;

4) определить региональную кубанскую специфику концепта **КОНЬ** на основе анализа лексико-семантического поля (ЛСП) вербализаторов данного концепта как фрагмента поля вербализаторов общерусского концепта **ЛОШАДЬ**;

5) выявить региональные особенности структурных компонентов концепта на основе сопоставительного анализа кубанских и общерусских фразеологических микротекстов, включающих элементы ЛСП вербализаторов концепта;

6) исследовать региональные особенности структурных компонентов концепта на основе анализа кубанских фольклорных песенных текстов, включающих элементы ЛСП вербализаторов концепта;

7) смоделировать и описать структуру и содержание концепта **КОНЬ** в ЯКМ кубанского казачества, выявить его общерусскую лингвокультурную основу и региональную специфику.

Научная новизна диссертации заключается в том, что

– разработана методика изучения регионально-специфичного концепта, цель применения которой заключается в выявлении этноспецифических признаков понятийного, образного и ценностного

компонентов национально-культурного концепта, детерминированных региональными особенностями;

– представлен первый опыт комплексного лингвистического анализа языковых средств, репрезентирующих концепт КОНЬ в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров;

– фольклорный концепт КОНЬ описан как регионально-специфичный фрагмент фольклорной картины мира на материале кубанских казачьих песен.

Материалом исследования послужили данные этимологических, толковых и некоторых других словарей русского языка, а также словарей кубанских говоров. Исследовательскую базу составили 1711 лексических единиц, выделенных из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, и 503 лексические единицы, выделенные из словарей кубанских говоров [Борисова, 2018; Пелих, Андрющенко, Иванова, Иванова, 2009; Шейнина, Тарасенкова, 1992; Ткаченко, 2008; Мастепанов, 2013]; 314 фразеологических единиц, выделенных из «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Фёдорова, сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля и «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, и 459 фразеологических единиц, выделенных из «Фразеологического словаря говоров Кубани» В. И. Андрющенко, Р. Я. Ивановой, Т. Г. Ивановой, В. М. Пелих, «Опыта словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой, словаря «Русский говор Кубани» под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой, диссертации В. П. Чалого «Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающей его историю, военный быт и духовную культуру», «Словаря говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края» С. Д. Мастепанова, сборника Л. Б. Мартыненко, И. В. Уваровой «Пословицы, поговорки и загадки Кубани», сборника П. И. Ткаченко «Кубанские пословицы и поговорки» и книги А. Е. Пивня «Торба смеха и мешок хохота». Материал исследования включает также 518 текстов кубанских казачьих песен, содержащих элементы поля вербализаторов концепта КОНЬ и представленных в сборниках «Песни кубанских казаков» А. Д. Бигдая, «Народные песни Кубани» В. Г. Захарченко, «Народные песни казаков» Г. М. Концевича и «Песни и частушки периода Великой Отечественной войны» Л. Б. Мартыненко, И. В. Уваровой.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в развитие лингвокультурологии и лингвофольклористики: уточняются понятия «региональная ЯКМ», «общенациональный концепт с региональной спецификой (регионально-специфичный концепт)»; предлагается методика анализа регионально-специфичного концепта; дополняются знания о ЯКМ кубанского казачества как составной части общенациональной картины мира; делаются выводы о лингвокультурной общности и региональной специфике концепта КОНЬ, значимого как для русского народа в целом, так и для кубанского казачества в частности.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке вузовских курсов по лексикологии, лингвокультурологии, диалектологии, лингвофольклористике, в организации спецкурсов и спецсеминаров по изучению кубанского фольклора, а также в преподавании школьного курса кубановедения. На полученные выводы можно опираться при изучении значимых концептов ЯКМ кубанских казаков и других казачьих субэтносов, а также регионально-специфичных концептуализаций в картинах мира разных этносов.

Теоретико-методологическую основу диссертации составили научные труды в области лингвокогнитологии [Алефиренко, 2004; Кубрякова, 2004; Маслова, 2005; Попова, Стернин 2007]; лингвокультурологии [Аглеева, 2019; Воркачев, 2005, 2007; Исаева, 2012; Карасик, 2014; 2005; Кононова, 2012; Ломоносова и др., 2019; Маслова, 2001; Пименова, 2004; Попова, Багронов, 2014; Слышкин, 2004; Степанов, 2004]; лексикологии и диалектологии [Апресян, 1995; Артемова, 2000; Борисова, 2018; Васильев, 1990; Караулов, 1976; Кондрашова, 1998; Мызников, 2017; Тюрин, 2017; Чарыкова, 2003]; фразеологии [Виноградов, 1977; Жолковский, 1978; Жуков, 1986; Телия, 1996; Шанский, 1996; Чалов, 1981]; лингвофольклористики [Никитина, 1993; Оссовецкий, 1975; Соколова, 2006; Хроленко, 2010; Черванева, 2003]; работы, посвященные анализу фольклорной картины мира и фольклорного концепта [Алещенко, 2008, 2009; Артеменко, 2006; Богданов, 2001; Голованова, 2016; Зиновьева, 2015; Никитина, 1991, 2000; Пименова, 2012, 2013; Рубакова, 2019; Черванева, 2009; Черноусова, 2013; Чистов, 2005; Эмер, 2010, 2011]; анализу региональной картины мира и региональной специфики лингвокультурного концепта [Атаян,

2007; Баскакова, 2012; Брысина, 2003, 2013; Григорьева, 2010; Демидова, 2014; Климкова, 2008; Лиханова, 2009; Рогожникова, 2010, 2013; Симашко, 2013; Хлыбова, 1998]; описанию особенностей текста народной песни [Алексеева, 2006; Камаев, Камаева, 2005; Карапетян, 2014; Климас, 2005; Мартыненко, 1983; Соколов, 2007; Чичеров, 1959; Щуров, 2007]; а также работы по изучению концепта КОНЬ [Бекмурзаева, 2021; Булатникова, 2006; Илюхина, 2010].

Гипотеза исследования состоит в том, что лингвокультурный концепт КОНЬ, в основе своей общенациональный, в ЯКМ кубанских казаков имеет структурные и содержательные региональные особенности в понятийном, образном и ценностном компонентах, что обусловлено ролью и значимостью этого животного в жизни и деятельности казака.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Общерусский лингвокультурный концепт ЛОШАДЬ характеризуется антропоцентризмом и отражает функциональный взгляд человека на это животное. В картине мира кубанского казачества данный концепт обладает региональными особенностями, что позволяет назвать его регионально-специфичным концептом, то есть вариантом национально-культурного концепта, понятийный, образный и ценностный компоненты которого обладают этноспецификой, детерминированной региональными особенностями. Региональная специфика в нем проявляется уже при выборе имени концепта: в ЯКМ русского народа это лексема *лошадь*, в региональной ЯКМ кубанского казачества доминирует слово *конь*, что обусловлено факторами частотности; стилистической нейтральности; семантической наполненности, предопределяющей способность к обобщению; значимости для носителей языка. Подтверждает региональные девиации кубанского концепта и двойственность огласовки его имени: *конь* – в кубанских говорах с южнорусской языковой основой и *кинь* (*кiнь*) – в кубанских говорах с украинской языковой основой.

2. Методика изучения регионально-специфичного концепта, разработанная и апробированная в данной диссертации, направлена на выявление регионального своеобразия концепта и отличается от традиционных методик тем, что предполагает создание и анализ ЛСП вербализаторов концепта, которое включает не только общерусский, но и региональный компоненты, с последующим изучением региональных фразеологических контекстов на фоне общерусской

фразеологии, а также анализ региональных фольклорных песенных текстов, содержащих элементы поля вербализаторов.

3. Понятийная составляющая общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского концепта КОНЬ включает ряд признаков, из которых доминантными являются следующие: «рабочее животное»; «боевое животное»; «животное, способное к движению»; «лошадь вообще»; «животное, требующее ухода»; «животное для верховой езды»; «животное, являющееся частью своего/чужого мира». Кубанская региональная специфика понятийного компонента концепта КОНЬ состоит в том, что на первый план выдвигается концептуальный признак «боевое животное» (в отличие от общерусского концепта ЛОШАДЬ, ведущим концептуальным признаком которого является представление о коне/лошади как о животном, предназначенном, главным образом, для тяжёлой работы); кроме того, для кубанских казаков конь/лошадь – это часть преимущественно своего, реже чужого мужского мира (в общерусской языковой картине мира на гендерном аспекте категории свойственности/чуждости внимание не акцентируется). К доминантным признакам кубанского фольклорного концепта КОНЬ относится также признак «мифологическое, сказочное животное», но не относится признак «рабочее животное».

4. Образная составляющая общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского концепта КОНЬ имеет общую основу и включает в себя перцептивные и метафорические признаки. Перцептивный образ коня как в общерусской, так и в кубанской казачьей картине мира вербализуется с помощью лексем, подробно описывающих визуальные признаки животного, а также издаваемые им звуки. Универсальной является метафора «конь – товарищ», но в кубанской фразеологии возникают и региональные метафорические признаки, отсутствующие в структуре общерусского концепта: «конь – кубанская кровь», «конь – душа казака», «конь – пес», «конь – черт», подчёркивающие близость, преданность коня казаку, его первостепенную важность в жизни казака-воина, а также лихость коня и его наездника.

5. Метафорика кубанского фольклорного концепта КОНЬ в текстах народных песен значительно разветвляется. Фольклорный метафорический образ коня включает следующие концептуальные признаки: «конь – товарищ казака», «конь – брат казака», «конь – хранитель казака», «конь – предсказатель беды или удачи», «конь – вестник гибели казака», «конь – розбышака», «конь – стрела», «конь

– отрада казака», «конь – пчелка», «конь – лев», «конь – вихрь», «конь – облака», «кони – орлы», «конь – брат орла». Образный компонент фольклорного концепта КОНЬ включает также знаковые для фольклорно-языковой КМ кубанских казаков символические смыслы: конь – это символ казака-воина, казака-героя, казака-жениха; кони – это символ богатства, достатка.

6. Ценностный компонент концепта включает в себя актуальность и оценочность. Общекультурный концепт ЛОШАДЬ – один из актуальных концептов в ретроспективной картине мира русского народа. На это указывает значительное число вербализаторов (1711 единиц) в общерусской составляющей ЛСП концепта, его высокая номинативная плотность, а также метафорическая диффузность. При этом в восприятии носителей русского языка слово *лошадь* имеет как положительные, так и отрицательные коннотации, а наименование *конь* – в основном положительные.

В картине мира кубанского казачества концепт КОНЬ является одной из базовых ценностных констант. Степень актуальности, ценностной и коммуникативной значимости концепта в региональной картине мира высокая, о чем свидетельствует, во-первых, значительный количественный состав вербализаторов (503 лексических единицы) в региональном фрагменте исследуемого ЛСП; во-вторых, приращение номинативной плотности концепта за счет региональных наименований, составляющее 37 лексических единиц; в-третьих, активное использование ассоциативного потенциала репрезентантов концепта КОНЬ для именованя других объектов и явлений действительности и, как следствие, наличие кубанских оригинальных метафор. Кроме того, лексема *конь* нередко является лексической доминантой, организующей текст казачьей песни. В кубанской казачьей картине мира и конь, и лошадь оцениваются преимущественно положительно; в фольклорном сознании присутствуют только позитивные оценки коня и лошади, что передается с помощью эпитетов, уменьшительно-ласкательных суффиксов, метафор.

Ведущим **методом исследования**, который был использован в работе, является метод концептуального анализа, который опирается на исследовательские приемы выявления семного состава базовых репрезентантов концепта; анализ лексической сочетаемости данных репрезентантов, проводимый на лексикографическом материале;

анализ таких лексических парадигм, вербализующих концепт, как синонимический ряд и ЛСП имени концепта, деривационные гнезда основных репрезентантов концепта. Применялись также метод сплошной выборки относительно словарей, сборников паремий, сборников народных песен, метод систематизации и количественной обработки отобранного материала, метод контекстологического анализа. В работе использован и метод моделирования, предполагающий представление содержания концепта КОНЬ в виде структуры, которая включает понятийный, образный и ценностный компоненты.

Апробация исследования. Основные положения диссертации отражены в десяти публикациях, три из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях из списка ВАК РФ.

Доклады по теме работы были представлены на всероссийских и международных конференциях: «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (Новосибирск, 2015), «Перспективы развития современных гуманитарных наук» (Воронеж, 2016), «Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны» (Санкт-Петербург, 2017), «Современные тенденции развития науки и технологий» (Белгород, 2017), «Исследовательские парадигмы в современной филологии» (Краснодар, 2018), «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики» (Краснодар, 2020), «Исследовательские парадигмы в современной филологии» (Краснодар, 2020).

Структура и объем диссертационной работы обусловлены целью и задачами исследования. Общий объем диссертации – 267 страниц. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений. В основной части работы приводится 21 таблица.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность работы, определяются объект, предмет и материал исследования, формулируются его цель и задачи, раскрываются его новизна, теоретическая и практическая значимость, указываются используемые в работе методы, выдвигается гипотеза исследования, излагаются выносимые на защиту положения.

В первой главе «Теоретические основы исследования» рассматриваются значимые для данной работы понятия: «ЯКМ»,

«региональная ЯКМ», «фольклорно-языковая КМ», «общекультурный концепт», «регионально-специфичный концепт», «фольклорный концепт», «концептуализация», «ЛСП вербализаторов концепта», – дается характеристика материала исследования, описывается методика анализа регионально-специфичного концепта.

Концептуальная система, запечатлённая в языковой форме, образует языковую картину мира. Национальная ЯКМ поликомпонентна: она вбирает в себя различные формы существования языка народа. Фрагментом национальной ЯКМ является региональная языковая картина мира (РЯКМ), имеющая свою специфику в отображении мира, которая обусловлена условиями проживания, ценностными установками людей, а также характерными чертами региона как историко-культурной зоны. В широком смысле РЯКМ представляет собой комплексное образование, включающее диалектный, литературный, просторечный, жаргонный компоненты и представленное как в устных, так и в письменных текстах.

Вслед за Е. В. Брысиной [2012], Н. А. Григорьевой [2010], Н. А. Лихановой [2009], С. В. Хлыбовой [1998], мы понимаем РЯКМ более узко, как совокупность зафиксированных в единицах территориального диалекта и региональных фольклорных текстах представлений о действительности носителей данного диалекта, объединённых территориально, культурно, экономически и исторически.

В основе концептуальной картины мира этноса лежит фольклорная картина мира (ФКМ). ФКМ выражает коллективное, общенародное восприятие действительности. Характерными чертам ФКМ являются её концептуальная организация, а также традиционность, идеальность, аксиологичность, символичность, семиотичность [Эмер, 2011; Перевалова, 2015]. Фольклорно-языковая картина мира (ФЯКМ) представляет собой фрагмент ФКМ, эксплицированный в языке фольклора. Язык фольклора – это художественная разновидность диалекта, выполняющая эстетическую функцию и обладающую жанровой дифференциацией [Собинникова, 1969; Богатырев, 1973], поэтому ФЯКМ является компонентом репрезентированной в единицах диалекта РЯКМ.

Условно соотношение национальной ЯКМ, РЯКМ и ФЯКМ можно представить следующим образом:

Субстратом картины мира является концепт. Лингвокультурологи понимают концепт как выраженный средствами языка культурный смысл [Воркачев, 2005]. Опираясь на взгляды В. И. Карасика [2004], Г. Г. Слышкина [2004], в составе концепта выделяем понятийный, образный и ценностный компоненты. Понятийная составляющая концепта – это его обозначение, дефиниция, описание. Образный компонент формируется перцептивными (зрительными, звуковыми, тактильными, обонятельными, вкусовыми) и образными признаками. Образные признаки возникают на основе метафорического переосмысления предмета концептуализации и создают метафорический образ [Пименова, 2005]. Важнейшей составляющей лингвокультурного концепта является ценностный компонент, включающий в себя актуальность и оценочность. Наиболее значимые показатели актуальности – это номинативная плотность (количество вариантов обозначения концепта) и метафорическая диффузность (способность концепта служить источником вторичной номинации, обогащая содержание других концептов) [Слышкин, 2004]. Концепты вербализуются языковыми единицами разных уровней, но наиболее информативным является лексический уровень языковой системы.

Не только для каждого национального языка, но и для диалекта как его разновидности характерно возникновение этнокультурных коннотаций, поэтому общекультурные концепты могут обладать региональным своеобразием, которое выражается в уточнении существенных признаков концепта. Регионально-специфичный концепт представляет собой вариант национально-культурного концепта, понятийный, образный и ценностный компоненты которого обладают этноспецификой, детерминированной региональными особенностями. В данной работе концепт ЛОШАДЬ (КОНЬ) рассматривается как общерусский концепт, обладающий региональной спецификой в ЯКМ кубанского казачества как отдельного субэтнуса русского народа.

Фольклорный концепт является разновидностью регионально-специфичного концепта. Фольклорный концепт отображается в языке фольклора и обладает своими особенностями. Он отражает коллективные установки и образы, аксиологически однолинеен, является ментальной структурой хранения и передачи традиционных культурных смыслов. Понятийный элемент фольклорного и одноимённого национального концептов часто совпадает, а образная и оценочная составляющие могут иметь свою специфику [Алещенко, 2009].

Материалом исследования послужили единицы лексико-фразеологической системы русского языка и кубанского диалекта как одной из его составляющих. Несмотря на неоднородность кубанских говоров с южнорусской и с украинской языковой основой, они имеют общекубанский лексико-фразеологический пласт, что позволяет говорить о монодиалектной лексической системе кубанского диалекта [Борисова, 2018]. Вслед за В. В. Виноградовым [1977], Н. М. Шанским [1996], В. Н. Телия [1996], мы рассматриваем фразеологию в широком смысле и относим пословицы и поговорки к числу фразеологических единиц. Материалом исследования послужили также тексты народных песен. Песни линейных и черноморских казаков рассматриваются в работе как единый корпус кубанских казачьих песен, сложившийся в результате фольклорной диффузии, которая происходила на Кубани под влиянием внеязыковых факторов [Бондарь, 1983; Мартыненко, 1983]. Анализ указанного материала способен дать представление о лингвокультурной общности и региональных особенностях концептуализации понятия «конь» в ЯКМ кубанского казачества.

За основу методики концептуального анализа, примененной в данном исследовании, была взята методика описания концепта Волгоградской школы концептуальных исследований (В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин и др.), доработанная с учетом анализа регионально-специфичного концепта. Изучение регионально-специфичного концепта предполагает реализацию следующих этапов: определение имени концепта; словарную характеристику базовых репрезентантов концепта; создание и анализ ЛСП вербализаторов концепта, которое включает общерусский и региональный компоненты; изучение общерусских и региональных фразеологических контекстов, содержащих элементы поля вербализаторов; анализ региональных фольклорных песенных текстов с элементами поля. Эти этапы

составляют основу методики анализа регионально-специфичного концепта, цель которой заключается в выявлении этноспецифических признаков понятийного, образного и ценностного компонентов национально-культурного концепта, детерминированных региональными особенностями.

Лексема, являющаяся именем концепта, должна быть общеизвестной, частотной в речи, стилистически нейтральной, значимостной для носителей языка. Концепт КОНЬ является концептом, в котором региональная специфика проявляется уже на уровне имени концепта: в ЯКМ русского народа это лексема *лошадь*, в региональной ЯКМ кубанского казачества доминирует слово *конь*.

Лингвокультурный концепт имеет набор своих вербализованных репрезентантов, или вербализаторов: лексем, фразеологических единиц, свободных словосочетаний, предложений и целых текстов. Вербализующие концепт лексические единицы можно систематизировать путём полевого структурирования, создав ЛСП вербализаторов концепта. Создание такого поля является одним из важных этапов исследования концепта. Опираясь на понимание семантического поля Ю. Н. Караулова [1976], Н. А. Илюхиной [1998], В. Б. Тюрина [2017], определяем ЛСП как широкое межчастеречное объединение слов с разной категориальной семантикой, объединённых единством денотата, взятого в совокупности его свойств и типовых ситуативных связей.

Выделенные из толковых словарей лексические единицы, образующие ЛСП вербализаторов концепта, реализуясь в речи, входят в состав различных по объёму и содержанию текстов, в том числе региональных, где компоненты поля вербализаторов контекстуально обусловлены. При этом семантика слов-репрезентантов концепта обогащается, что составляет основу дополнительных образных и ценностных концептуализаций, которые и создают региональную специфику концепта. В данном исследовании изучались фразеологические микротексты и тексты народных песен.

Формирование концепта как ментальной единицы происходит в процессе концептуализации – классификационной деятельности человеческого сознания, ведущей к образованию концептов и концептуальной системы. Процесс концептуализации получает своё отражение в языке. Языковая концептуализация представляет собой языковую репрезентацию и структуризацию приобретаемых в

процессе познавательной деятельности идей и представлений [Волошина, 2010]. Вслед за Л. А. Исаевой и С. Г. Дрыгой [2008], мы понимаем концептуализацию не только как процесс осмысления информации об окружающем мире, но и как результат такого процесса, выражающийся в образовании концептов в коллективном и индивидуальном сознании. В данном исследовании концептуализация понятия «конь» рассматривается, прежде всего, как результат одноимённого процесса в общерусской ЯКМ и её региональном фрагменте – ЯКМ кубанского казачества.

Во второй главе «Лексико-фразеологическая репрезентация концепта ЛОШАДЬ в общерусской ЯКМ и концепта КОНЬ в региональной ЯКМ кубанского казачества» на основе анализа лексики и фразеологии русского языка в целом и кубанского диалекта в частности рассматриваются общность и различия представлений о лошади / коне русского народа и кубанского казачества.

Сопоставительный анализ лексической семантики слов *конь* и *лошадь*, проведенный на материале наиболее авторитетных словарей русского языка, показал, что данные лексемы являются синонимами, которые допускают толкование одного слова через другое, но при этом имеют некоторые различия в своей семантической структуре: лексема *конь* обозначает быстрое, физически сильное, обладающее интеллектом животное, использующееся прежде всего в боевых действиях или для верховой езды; в слове *лошадь* самой «яркой» является сема 'рабочее животное'. Носители русского языка почти не наделяют лошадь физической силой и способностью к быстрому движению, интеллектом и характером.

В кубанском диалекте основная смысловая нагрузка сосредоточена на лексеме *конь*, которая является значительно более частотной в кубанской фразеологии, обладает более широким семантическим потенциалом и словообразовательными возможностями, чем другой репрезентант концепта – лексема *лошадь*. При этом слова *конь* и *лошадь* становятся более полными синонимами. Подтверждает региональную специфику кубанского концепта и двойственность огласовки его имени: *конь* – в кубанских говорах с южнорусской языковой основой и *кинь* (*кiнь*) – в кубанских говорах с украинской языковой основой.

По данным словарей, понятийная составляющая общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского концепта КОНЬ включает ряд признаков, из которых доминантными являются признаки,

представленные в таблице 1. К доминантным относим те понятийные признаки, которые наиболее полно представлены в словарях, ЛСП вербализаторов концепта, фразеологических единицах, песенных контекстах.

Таблица 1

Доминантные понятийные признаки общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского регионально-специфичного концепта КОНЬ

Признаки, выделенные на основе анализа словарей		Признаки, выделенные на основе анализа фразеологии		Признаки, выделенные на основе анализа народных песен
общерусский концепт ЛОШАДЬ	кубанский концепт КОНЬ	общерусский концепт ЛОШАДЬ	кубанский концепт КОНЬ	кубанский фольклорный концепт КОНЬ
1. Рабочее животное	1. Боевое животное	1. Рабочее животное	1. Боевое животное	1. Боевое животное
2. Животное, способное к движению	2. Рабочее животное	2. Животное, способное к движению	2. Животное, способное к движению	2. Животное, способное к движению
3. Лошадь вообще	3. Лошадь вообще	3. Животное, требующее ухода	3. Рабочее животное	3. Животное, являющееся частью <i>своего мужского</i> мира
4. Животное, требующее ухода	4. Животное, способное к движению	4. Боевое животное	4. Лошадь вообще	4. Лошадь вообще
5. Животное для верховой езды	5. Животное, требующее ухода	5. Лошадь вообще	5. Животное, требующее ухода	5. Животное, требующее ухода
6. Боевое животное	6. Животное для верховой езды	6. Животное для верховой езды	6. Животное для верховой езды	6. Мифологическое, сказочное животное
7. Животное, являющееся частью своего/ чужого мира	7. Животное, являющееся частью своего/ чужого <i>мужского</i> мира	7. Животное, являющееся частью своего/ чужого мира	7. Животное, являющееся частью своего/ чужого <i>мужского</i> мира	7. Животное для верховой езды

Анализ поля вербализаторов общекультурного концепта ЛОШАДЬ позволил определить главные концептуальные признаки его понятийной составляющей: конь/лошадь – это, прежде всего, рабочее животное, тягловая сила или транспортное средство (*водовоз, дышляк, взовик, дорожняки, другоня, коренная, коренник, подъездок, пристяжка, пристяжь, перекладная, подъяремник, боронка, санник*), а также животное, способное к движению (*иноходец, бегун, доброход, дроботун, скакун, рысак, спотыкала*).

Анализ общерусской фразеологии тоже свидетельствует о том, что главным концептуальным признаком понятийной составляющей концепта ЛОШАДЬ в русской ЯКМ является представление о лошади /коне как о животном, предназначенном, прежде всего, для тяжёлой работы (*Ломовая лошадь; Он работает как лошадь; Кто в кони пошёл, тот и воду вози; Ретивому коню тот же корм, а работы вдвое*), но конь, в отличие от лошади, осмысливается и как животное, предназначенное для участия в военных действиях (*Голосом петь, а конём воевать*).

Такое представление о лошади, отражающее функционально ориентированный взгляд человека на это животное как на необходимого участника его деятельности, вполне закономерно и обусловлено принципом антропоцентризма: лошадь представлена в языке через восприятие ее человеком, а в связи с лошадью подробно характеризуется и сам человек.

Анализ фрагмента ЛСП «конь», построенного на основе языкового материала, извлечённого из словарей кубанских говоров, свидетельствует об общности понятийной составляющей общерусского и кубанского концептов и даёт возможность выявить кубанскую региональную специфику понятийного компонента концепта КОНЬ (см. табл. 1). Ведущими концептуальными признаками в РЯКМ кубанского казачества является представление о коне/лошади не только как о рабочем, но и как о боевом животном: на это указывает наличие в кубанских говорах особого пласта лексики, который составляют слова, отражающие различные аспекты конной военной службы казаков (*есаул, подьесаул, хорунжый, подхорунжый, приказный, урядник, сотник, линеец, чорноморци, кубанцы, конвоец, значковый, казаковать, пострижэнье*), в том числе кубанские этнографизмы-локализмы и историзмы, содержащие в своей семантической структуре сему 'боевой конь' (*строевик (боевой конь), справа, нагайка, кубанка, шашка, бурка, беимэт, кинджал, сотня, салы, чепеги*). Эта лексика отражает высокий социальный статус, особое предназначение и специфику военной жизни казачества как служилого сословия, основной задачей которого долгое время была охрана государственной границы России.

Изучение кубанской фразеологии подтверждает эти выводы: в картине мира кубанского казачества конь/лошадь – это, главным образом, боевое животное (*Казак без коня що солдат без ружья; На коня (деньги на приобретение боевого коня); Во весь кульерт*

(карьер); *На весь гор* (Очень быстро)). Социокультурными особенностями жизнедеятельности казаков обусловлен и другой важный понятийный признак регионально-специфичного концепта КОНЬ: конь/лошадь – это не просто часть своего (или чужого) мира – это необходимая часть мужского мира (*Учи казачьего сына на коня садиться да с татарами биться; Без коня не казак; Хороший казак коня своего сам холит*).

Лексикографическое описание основных репрезентантов исследуемого концепта, анализ ЛСП вербализаторов концепта, а также анализ ФЕ, содержащих вербализаторы концепта, позволяют описать его образный компонент (см. табл. 2).

Таблица 2

Образные признаки общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского регионально-специфичного концепта КОНЬ

Перцептивные образные признаки общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского концепта КОНЬ, выделенные на основе анализа словарей, фразеологии и народных песен	Метафорические образные признаки, выделенные на основе анализа фразеологии		Метафорические образные признаки кубанского фольклорного концепта КОНЬ, выделенные на основе анализа народных песен
	общерусского концепта ЛОШАДЬ	кубанского концепта КОНЬ	
размер животного	конь – товарищ	конь – товарищ	конь – символ казака-воина
особенности окраса	лошадь – крылья	конь – пес	конь – символ казака-героя
части тела и особенности телосложения	лошадь – жернов	конь – душа казака	конь – символ казака-жениха
возраст	лошадь – враг	конь – кубанская кровь	конь – товарищ казака
движение		конь – черт	конь – предсказатель беды или удачи
другие действия коня			конь – хранитель казака
состояние			конь – вестник гибели казака
поведение			кони – символ богатства
особые позы коня			конь – брат казака
подковы			конь – отрада казака
элементы сбруи и упряжи			конь – стрела
транспортные средства, приводимые в движение лошадьми			конь – розбышака
звуки, издаваемые или производимые конем			конь – вихрь
			конь – облака

			кони – орлы
			конь – брат орла
			конь – пчелка

В основе образного компонента и общерусского, и регионально-специфичного концептов лежат общие зрительные и слуховые ощущения. Перцептивный визуальный образ коня вербализуют лексем, обозначающие его размер (*крупный, большой, маленький*), породу (*битюк, дончак, маишак*), особенности окраса (*буланый, вороной, гнедой, крапчатый*), части тела и особенности телосложения (*бабка, грива, копыто, хrap, пыка, ретица, гривистый, стройный*), возраст (*старый, лошонок, лошичка*), состояние (*усталый, изъездился, задохлик*). Зрительный образ в структуре концепта репрезентируют и слова, характеризующие движение (*бежит, скачет*), особые позы (*дыбом*) или поведение коня (*выбрык, бьёт (копытом), прянет, бзыкает*). Кроме того, созданию визуального образа коня служит присутствие в некоторых фразеологических контекстах лексем, обозначающих элементы сбруи, а также транспортные средства, которые ассоциируются с конем: *Казак без седла что черкес без кинжала; С седла не слазить; Как Христос на колеснице прокатился*. Этимология слова *конь* позволяет выделить еще один визуальный образный признак: конь – это подкованное животное.

Перцептивные признаки образа коня, формируемые звуковыми ощущениями, актуализируются лексемами, которые обозначают издаваемые или производимые животным звуки (*храпит, ржёт, фыркает, рөгочет, кабудык-кабудык*).

Фразеология обогащает образный компонент концепта признаками, которые формируются на основе метафорического осмысления животного. Восприятие коня как верного человеку животного легло в основу концептуальной метафоры «конь – товарищ», характерной и для общерусской, и для кубанской фразеологии (*Конь мой, конь, ты мой верный друг!; Нет у казака лучшего друга, как его боевой конь; Конь на службе казаку – верный товарищ*). Образ лошади в общерусской фразеологии характеризуется метафорами «крылья», «враг», «жернов».

В кубанском фразеологическом фонде образ коня концептуализируется также через метафоры «конь – душа казака», «конь – кубанская кровь», «конь – пес», «конь – черт», подчеркивающие преданность коня казаку, необыкновенную

близость, «родственность душ» человека и животного, первостепенную важность коня в жизни казака, а также лихость коня и его наездника: *Конь, как пёс, всю жизнь на одну кличку отзывается; Конь – это душа казака; Конёк мой верный – кубанская кровь; Скакать как черт.* Образ лошади в кубанской фразеологии метафорическими признаками не обладает.

Ценностный компонент концепта включает в себя актуальность и оценочность. Анализ данных словарей русского языка показал, что общекультурный концепт ЛОШАДЬ – один из актуальных концептов в ретроспективной картине мира русского народа. В прошлом он был значимым и коммуникативно востребованным. Обо всём этом свидетельствует высокая номинативная плотность концепта, отразившаяся в подробной детализации наименований лошади (205 лексико-семантических вариантов), наличие у лексем *конь* и *лошадь* различных производных значений, зафиксированных в словарях «детская игрушка», «гимнастический снаряд», «шахматная фигура», «верхний брус кровли» и др.), а также широкие словообразовательные возможности ключевых слов концепта. Лошадь была одним из главных животных, участвовавших в жизни человека, поэтому так обширна лексика, не только именующая это животное, но и описывающая его различные биологические, психофизиологические свойства, его поведенческие реакции, оттенки его физического состояния, болезни.

И в общерусской, и в кубанской культуре исследуемый концепт относится к сформировавшимся концептам, которые служат источником вторичной номинации, метафоризации, обогащающей содержание других концептов. Анализ фразеологии показал высокую метафорическую диффузность и национального, и регионально-специфичного концепта. Общерусские и кубанские ФЕ с вербализаторами концепта реализуют большое число дополнительных смыслов: с конём (лошадью) сравнивается прежде всего человек, которому даётся как положительная (умный, опытный, работающий, красивый, свободолюбивый, отличающийся от всех в лучшую сторону), так и отрицательная оценка (глупый, упрямый, несвободный, покорный судьбе, слишком много и тяжело работающий, постаревший, некрасивый). И в русской, и в кубанской фразеологии с конём (лошадью) также могут сравниваться конкретные предметы (подарок) и абстрактные явления (что-либо полезное/бесполезное, что-либо большое, какая-либо деятельность,

невозможность чего-либо, счастье/несчастье). Высокая метафорическая диффузность говорит о том, что исследуемый концепт был актуален и в общерусской, и в кубанской КМ.

Анализируя кубанский диалектный фрагмент ЛСП «конь» и кубанскую фразеологию, можно сделать вывод, что в ЯКМ кубанского казачества степень актуальности концепта КОНЬ высокая, о чем свидетельствует значительный количественный состав регионального компонента ЛСП его вербализаторов (503 лексические единицы); приращение номинативной плотности концепта за счет региональных наименований, составившее 37 лексических единиц; активное использование концепта как источника вторичной номинации, метафоризации; наличие кубанских оригинальных метафор (*Конь в юбке; С коня не слазит* (служит); *Хата на коне* (бурка казака); *Хоть (хочь; хучь) конём гуляй* (о большом помещении) и др.). Высокая актуальность концепта КОНЬ в картине мира кубанского казачества обусловлена тем, что конь, сопровождавший казака от рождения до самой смерти, играл огромную роль в его жизни.

В лексико-фразеологической системе отражен и аксиологический аспект ценностной составляющей общерусского и кубанского концепта (см. табл. 3): лошадь, как часть своего или чужого мира, была для человека ценностным объектом. Животное оценивается человеком с разных точек зрения: даётся общая оценка (*конь добрый, жвавый, хорош, лошадь худа*), эмоциональная оценка (*конёк, коник, лошадка, клячонка, рысачник*), эстетическая оценка (*лошадь красивая, конь грациозный*), интеллектуальная оценка (*лошадь умная, конь учёный, остр, дурный*), нравственная оценка (*конь храбрый, верный, жестокий, норовитый, гордый*), материальная (*лошевод, коно(е)крад, коневор, дареный*).

Таблица 3

Аксиологический аспект ценностной составляющей общерусского концепта ЛОШАДЬ и кубанского концепта КОНЬ

Тип оценки	Оценка общерусского концепта ЛОШАДЬ (данные анализа лексико-фразеологической системы)	Оценка кубанского концепта КОНЬ (данные анализа лексико-фразеологической системы)	Оценка кубанского фольклорного концепта КОНЬ (данные анализа текстов народных песен)
Общая Эмоциональная Нравственная	положительная и	преимущественно	положительная

Интеллектуальная	отрицательная	положительная	
Эстетическая			
Материальная			

Сопоставительный анализ общерусского и кубанского фразеологического фонда позволил выявить региональную специфику ценностного компонента концепта КОНЬ: если в восприятии носителей русского языка слово *лошадь* имеет положительные и отрицательные коннотации, а наименование *конь* – в основном положительные (*Не всё то конь, что лошадь; Лошадь человеку крылья; Собака друг, а лошадь ворог*), то в кубанской казачьей КМ и конь, и лошадь обладают преимущественно позитивной оценочностью (*Кинь жвавий, сам бравий; Бисами добрий кинь; И спит, и коней (лошадей) во сне видит; Казак сам не ест, а лошадь кормит*). Очень велика и значимость этого животного для человека. Верный боевой конь – это самое ценное, что есть у казака, это центральный образ мужского казачьего мира, это показатель высокого воинского статуса казака – защитника Родины.

Третья глава «Репрезентация регионально-специфичного концепта КОНЬ в кубанском фольклоре (на материале кубанских казачьих песен)» посвящена описанию структурно-семантических характеристик кубанского фольклорного концепта КОНЬ, вербализованного в текстах кубанских казачьих песен.

На уровне текстов народных песен ключевые слова концепта – лексемы *конь* и *лошадь* – являются полными синонимами, способными к взаимозаменяемости, но большими семантическими и словообразовательными потенциями обладает численно превалирующая лексема *конь*, которая является именем концепта в картине мира кубанского казачества.

Ведущим концептуальным признаком понятийной составляющей концепта в кубанской ФЯКМ (см. табл. 1) являются представления о коне как о боевом животном (*На коня своего садился Комаров, наш генерал* [Бигдай, т. 2, с. 27, № 10]; *Сердюков наш был удалый, Закричал: «Скорей на конь!» Мы на кони посадились* [Бигдай, т. 2, с. 30, № 12]; *Где река – плыви смелей На коне своём* [Мартыненко, с. 14, № 17]). Казак от рождения был предназначен для военной службы, и казачий конь был, прежде всего, конём строевым, верховым. Боевой конь является частотным объектом и даже субъектом в текстах воинских песен, главным образом, в большом корпусе военно-бытовых и походных песен, отражающих социально-

психологическую специфику казачества как субэтноса. Большинство однокоренных образований лексем *конь* и *лошадь* в кубанских казачьих песнях также имеют сему 'боевой конь' (*Командир наш молодой, Неженатый, холостой... Под ним коник вороной, Весь убранный серебром* [Захарченко, вып. 1, с.67, № 35]; *И пешим строем мы поладим, Лошадкам скажем: – Ну, ложись!* [Бигдай, т. 2, с. 54, № 26]). Эта сема входит в семантическую структуру значительной части слов, образующих периферию поля вербализаторов концепта КОНЬ в кубанских фольклорных песенных текстах (*Полетели на врага Партизаны-казаки, Обнажив клинки* [Мартыненко, с. 67, № 139]; *В горящий хутор в бешеном галопе Ворвался с боем первый храбрый взвод* [Там же, с. 75, № 150]; *Кавалерия взвилась* [Бигдай, т. 2, с. 10, № 1]). Кроме того, лексема *конь*, обозначающая боевое животное, обладает наибольшим метафорическим потенциалом.

Поскольку конь в представлении казаков был, главным образом, боевым животным, основополагающими понятийными признаками кубанского концепта КОНЬ являются также признаки «животное, способное к движению, в том числе к быстрому движению» и «животное, являющееся частью своего мужского мира» (*Ты лети, мой конь, на родимый край* [Там же, с. 109, № 56]; *Как стрелочки прискакали на казачьих лошадях, Турки разом закричали свой «аман» и свой «Аллах»* [Там же, с. 19, № 4а]; *Привыкай, казаки, к ружью, шашке, коню.* [Там же, с.133, № 74]).

В кубанских казачьих песнях ярко представлены и такие концептуальные признаки понятийной составляющей, как «лошадь вообще», «животное, требующее ухода», «животное для верховой езды» (*Остры шашки поломаем, Добрых коней подкуём* [Захарченко, вып. 1, с. 51, № 24]; *Там не гонят ли табуньшечки табун* [Бигдай, т. 2, с. 226, № 134]; *Як бы в мене сирый кинь, Я сидельце маю, Пойихав бы на Вкраину, Де дивчину знаю* [Концевич, с. 211, № 3]). К числу доминантных признаков кубанского фольклорного концепта КОНЬ не относится признак «рабочее животное», зато относится признак «мифологическое, сказочное животное». В представлениях кубанского казака конь обладает необычайной силой и сверхъестественными способностями: он непобедим в бою, наделён даром речи, может предчувствовать беду или удачу в будущем, способен догнать давно прошедшее время (*Орэл с конэм та побратався, Орэл с конэм та закладався... Ой, кинь бижыть, аж зэмля двыжить* [Бигдай, т. 1, с. 368, № 273]; *Ты не кажи, коню, Що я*

вбытый лежу [Концевич, с. 381, № 2]; *Ой, Биг знае, Биг видае, ой чи ще вэрнуся, Бо щось кинь мий на подвори чогось изпиткнувся* [Бигдай, т. 1, с. 51, № 17]; *Ой, сидлайтэ, браты мои, кони вороныи, Та й йизжайтэ, догоняйтэ лита молодыи* [Там же, с. 162, № 115]).

Перцептивный зрительный образ коня (см. табл. 2) создается с помощью лексем, обозначающих масть коня и особенности его окраса (*вороной, гнедой, сирый*); части тела коня (*головонька, копыто, грива*); возраст (*лоша*); поведение коня (*розигрався, клоне головоньку, бьет копытом*); движение коня или человека на коне (*несетя, летит*): в воинских песнях, как правило, изображается мчащийся конь, пугающий врагов своим агрессивным движением, в невоинских песнях описываются кони, которые могут соперничать по скорости даже со временем; другие действия коня (*коснулся, пьют, йдять*); состояние коня (*усталый, зажурывся, утомывся*).

В некоторых песенных контекстах присутствие лексем, обозначающих подковы, элементы сбруи, а также транспортные средства, которые ассоциируются с конем, тоже служит созданию зрительного образа коня: *Кинь в полях бежить, Разметавши гриву, разнуздаши повид* [Мартыненко, с. 34, № 64]; *Справлю я соби коляску й проийзжаты буду* [Бигдай, т. 1, с. 243, № 183].

Перцептивный образ коня вербализуется также лексемами, обозначающими звуки, издаваемые или производимые животным (*иржи, скажи, говорь, стукнешь, грякнешь*).

Метафорика кубанского фольклорного концепта КОНЫ в текстах народных песен весьма разнообразна (см. табл. 2). Перцептивный образ коня дополняется метафорическими признаками: «товарищ казака», «хранитель казака», «брат казака», «предсказатель беды или удачи», «вестник гибели казака», «розбышака» (сорвиголова), создающими антропоморфный образ коня. В основе сопоставления коня с человеком лежит высокая оценка верности, надёжности этого животного, его интеллектуальных и даже сверхъестественных способностей (*Товарищ мой, буланый конь, Снеси письмо казачке* [Мартыненко, с. 105, № 226]; *А я бидный сыртына: Шашка з боку – вся родына, Степ шырокий – то мий сват, Кинь гниденький – то ж мий брат* [Концевич, с. 236, № 21]; *Мабудь, мабудь, моя ненька, назад я не вернуся. Чегось мий конек вороненький Второпях спиткнувся* [Мартыненко, с. 26, № 48]; *И скажи ты, мой конь: Я женился на другой ... На пулечке свинцовой*

[Захарченко, вып. 1, с. 56, № 27]; *Гей, у мене був коняка, Був коняка-розбышака* [Концевич, с. 29, № 9]).

Метафорические признаки образного компонента концепта «конь-лев», «конь-вихрь», «конь-стрела», «кони-орлы», «конь - брат орла» основаны преимущественно на таком понятийном признаке, как «способность коня к быстрому движению» (*Конь, как лев, под ним несётся* [Бигдай, т. 2, с. 74, № 37]; *Конь его ретивый С седоком, как вихрь, летает* [Захарченко, вып. 1, с. 29, № 12]).

Кроме того, образ коня в фольклорной картине мира, отразившейся в кубанских казачьих песнях, приобретает метафорические признаки «отрада», «пчелка», в основе которых лежит высокая эмоциональная и эстетическая оценка коня (*Коник вороненький, То моя отрада* [Бигдай, т. 2, с. 188, № 110]; *Под ним коник, Что пчелка, летает* [Захарченко, т. 1, с. 152, № 89]).

Образный компонент концепта КОНЬ в фольклорно-поэтическом контексте кубанских казачьих песен включает в себя также знаковые для ФЯКМ кубанских казаков символические смыслы. В идеальном мире кубанского фольклора особенные качества коня – это составная часть богатырской силы его хозяина, казак и конь неразрывно связаны, конь неотделим от казака. Это единство отразилось в песнях, где конь становится в целом мужским символом: символом казака-воина, казака-героя, а также символом влюблённого казака, жениха (*Холи, корми коня гнедого И ничего ты не жалей... И береги свого коня, Он твоего отца седого Возил в огонь и из огня* [Там же, с. 43, № 20]; *Привязывал коника К шёлковой траве... Привязывал коника Ко русой косе* [Там же, с. 349, № 217]). Кроме того, хорошие, крепкие кони в фольклорной картине мира, отразившейся в кубанских казачьих песнях, символизируют богатство, достаток (*А казаль, Свати богати, А воны убоги, Йих кони безноги* [Бигдай, т. 1, с. 86, № 49]).

Об актуальности концепта КОНЬ в кубанской фольклорно-языковой картине мира свидетельствует высокая частотность имени концепта, лексемы конь, в текстах песен (присутствует в 347 песенных контекстах из общего объема исследованных текстов (около 930 страниц)). Широкое употребление в песенных контекстах разнообразных синонимов лексемы конь (*коник/коньк, коняка, коньчек/коньчок, коньченько, конек, лошадь, лошадка, кобыла, кобылыця, жеребец, Бурка-сивка и др.*) говорит о высокой номинативной плотности фольклорного казачьего концепта. На

актуальность концепта указывает и наличие широкого поля вербализаторов концепта, выделенных в текстах кубанских песен. Представленные материалы позволяют сделать вывод, что концепт КОНЬ является одной из доминант фольклорно-языковой КМ кубанского казачества и входит в её костяк.

Об актуальности кубанского фольклорного концепта КОНЬ говорит и то, что лексема *конь* и ее синонимы-дериваты нередко являются лексической доминантой, организующей текст казачьей песни. Формальным показателем текстовой доминанты является высокая частота употребления лексем *конь*, *коник/конык* в текстах народных песен. Например, в тексте песни «За Кубанью рекой, при долинушке», повествующей о том, как смертельно раненный казак посылает верного коня сообщить семье о своей гибели, лексема *конь* употребляется 17 раз [Бигдай, т. 2, с. 107, № 55]. В такие «усиленные» контексты часто включается обращение казака к своему коню или даже разговор хозяина со своим конём (15 ПК). Диалог можно считать сильной позицией лексемы *конь* и её деривата *коник/конык* в тексте песни. На то, что слова *конь* и *коник/конык* являются лексической текстовой доминантой, указывает и то, что они образуют в текстах народных песен своё тематическое поле, в которое входят слова, лексическое значение которых содержит сему 'конь'. В песне «Кончен, кончен дальний путь» такое тематическое поле образуют слова: *гнедой, гнедко, бока, табун, плеть, узда, ржёт, скачи, понукал* [Концевич, с. 356-359, № 10].

Постоянные эпитеты (*вороной, добрый*), характеризующие репрезентанты концепта КОНЬ в кубанских песенных контекстах, не только называют качества животного, но и указывают на нормативность представлений о коне в ФЯКМ кубанского казачества. В кубанской песне он представлен как существо, которое всегда рядом со своим хозяином и другом – казаком. Вместе с ним конь переносит все тяготы военной службы, порой спасает казака от гибели, становится мудрым советчиком в трудной жизненной ситуации, а иногда даже учит и воспитывает своего хозяина, воплощая его совесть. Конь остаётся рядом с казаком и в смертный час. В отличие от человека, конь идеален, он не имеет недостатков: он красив, храбр, силен, предан своему хозяину, мудр и даже обладает сверхъестественными способностями. На нормативность образа коня в ФЯКМ кубанского казачества указывают и уменьшительно-ласкательные суффиксы в составе синонимов-

дериватов лексем *конь* и *лошадь* (-ик/-ык, -ек, -ок, -еньк, -к), выполняющие в фольклорных текстах роль постоянных эпитетов. Нормативность фольклорных представлений о коне как об антропоморфном существе, воплощающем лучшие человеческие качества, предполагает высокую положительную оценку коня.

В ФЯКМ кубанского казачества конь оценивается положительно еще и потому, что он является частью своего, а не чужого мира. Для казака конь был одной из важнейших составляющих не просто своего, а своего мужского мира, материально и эмоционально ценностным объектом, поэтому народная песня призывает беречь коня: *А ещё, мой милый, береги коня. Он тебя обратно приведёт сюда* [Мартыненко, с. 39, № 76]. В песенном фольклоре конь показан как самое близкое казаку существо – в фольклорном сознании казак и конь сливаются в единое целое. Не случайно потеря коня в казачьей песне приравнивается к потере казаком не только своего высокого воинского предназначения, но свободы, счастья и даже жизни: *Нэма мини доли, нэма мини воли Козакови молодому* [Бигдай, т. 1, с. 61, № 28].

Фольклорное сознание любит конём и даёт высочайшую оценку этому животному (см. табл. 3): общую оценку (*добрый, вороной, борзый, жвавый, ретивый, самый лучший*); эмоциональную оценку (*коник, дорогой, отрада, риднэсэнкый*); нравственную оценку (*лихой, верный, товарищ, друг*); интеллектуальную (*коню, порадь* (посоветуй); *кинь говорэ*); эстетическую оценку (*летает, как пчелка*); материальную (*купым коня; прислал коня на подарок; повыпродала лошадей*).

Лексемы, являющиеся синонимами слов *конь*, *лошадь* (*кобыла/кобыльця, жеребец, лоша, шкапа*), обогащают ценностный компонент концепта КОНЬ ироничной эмоциональной окраской.

Представленные данные подтверждают мнение лингвистов о том, что именно казачьи песни дают больше всего девиаций от типичной картины мира в русском песенном фольклоре.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования и намечаются его перспективы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих **публикациях:**

статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Епатко Т. А. Лексическая репрезентация концепта КОНЬ в этимологических и толковых словарях русского языка // Филологические

науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Том 12. Выпуск 3. – С. 213-217.

2. Епатко Т. А. Особенности лексической репрезентации концепта КОНЫ в кубанском фразеологическом фонде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – Том 13. Выпуск 4. – С. 19-24.

3. Епатко Т. А. Лексикализация концепта КОНЫ в кубанских казачьих песнях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – Том 13. Выпуск 11. – С. 114-119.

Статьи в других изданиях:

4. Епатко Т. А. Лексико-семантическая экспликация образа коня как атрибута казака в кубанских казачьих песнях // Перспективы развития современных гуманитарных наук: материалы III Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2016. – С. 23-27.

5. Епатко Т. А. Поэтизация образа холодного оружия при экспликации военных мотивов в кубанских казачьих песнях // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы LIV международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2015. – С. 183-189.

6. Епатко Т. А. Образ боевого коня-товарища в кубанских казачьих песнях // Современные тенденции развития науки и технологий: материалы XXV Международной научно-практической конференции. – Белгород, 2017. – С. 62-64.

7. Епатко Т. А. Некоторые аспекты лексико-семантического воплощения образа боевого коня в кубанских казачьих песнях // Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны: материалы III Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 36-40.

8. Епатко Т. А. Концептуализация слова-образа *конь* в военных казачьих песнях // Исследовательские парадигмы в современной филологии: материалы V Всероссийской научной конференции. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. – С. 103-110.

9. Епатко Т. А. Семантика слова-образа *конь* в лирике И. Ф. Вараввы // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Краснодарское ВВАУЛ, 2020. – С. 85-91.

10. Епатко Т. А. Лексическая сочетаемость слов *конь* и *лошадь* в словарях русского языка // Исследовательские парадигмы в современной филологии: материалы VI Всероссийской научной конференции. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – С. 60-67.